

— Где тот странный ребенок, который у вас здесь живет? С разными глазами? Почему его не видно? — спросили они.

Управляющий Линь сразу понял, о ком идет речь, и поспешил ответить:

— К сожалению, он заболел.

Бай Шилэй, прямой и резкий, не удержался:

— Так быстро заболел? Еще вчера он бегал по улицам!

— Э-э... Господин Бай... — надзиратель замялся.

— Что ты мямлишь? Мой брат просто из любопытства хотел взглянуть. Неужели за это тоже надо платить?

Судя по выражению лица Бай Шилэя, он явно понял, что его пытаются обмануть. Он оглядел двор и взглянул на дверь, из которой только что вышел надзиратель.

— Как я смею!.. — управляющий Линь украдкой посмотрел на дровяной сарай и понял, что скрывать бесполезно. — Вчера он послушался, и его выпороли. Сейчас он выглядит... неподобающе. Боюсь оскорбить ваши глаза, господа.

— Где он? Я просто взгляну.

Когда дело дошло до этого, управляющему Линю пришлось быстрыми шагами подойти к сараю и тихо открыть деревянную дверь.

Лю Чунмин последовал за ним, переступил порог и поморщился от запаха сырости и крови, ударившего в нос. У стены кто-то лежал, свернувшись калачиком спиной к ним, на грязном тряпье неопределенного цвета, словно спал.

Из-за тяжелой жизни его тело казалось совсем маленьким, больше похожим на ребенка, чем на подростка.

На его узких плечах и спине виднелись следы от плетей, некоторые еще свежие, с кровью, не успевшей затянуться. Не было ни клочка здоровой кожи.

Бай Шилэй тоже вошел внутрь:

— Что это за место? Чем здесь так воняет?

— Прошу прощения, господа. Обычно сюда никто не заходит. Только когда слуги непослушны, их приводят сюда, — подобострастно улыбнулся управляющий Линь и толкнул Цюй Чэньчжоу за плечо. — Эй, Сяо Цюй, просыпайся! Вставай!

Цюй Чэньчжоу внутренне застонал.

Он притворился спящим перед самым открытием двери, надеясь, что Лю Чунмин уйдет.

Даже если в его сердце и осталась тоска по нему, что с того?

Он уже погубил Чунмина в прошлой жизни — как он смеет снова встретиться с ним? Такому несчастливому человеку, как он, лучше держаться подальше.

К тому же их нынешние статусы — как небо и земля. Зачем ему ненужные мечтания, которые принесут лишь страдания?

Но управляющий Линь тряс его так сильно, а Лю Чунмин стоял неподвижно, явно не собираясь уходить. Притворяться дальше было бесполезно. К тому же раны болели так сильно, что он не мог сдержать дрожь, и притворяться спящим больше не получалось.

— Сяо Цюй, быстрее вставай! Поклонись шицзы и господину Баю!

— У-управляющий Линь...

Цюй Чэньчжоу сделал вид, что только что очнулся от беспамятства, с трудом перевернулся и сел, опираясь на дрожащие руки. Опустив голову, он медленно пополз к ним на коленях.

Шаги приблизились, и перед его опущенным взглядом появились расшитые сливами парчовые туфли.

— Приветствую шицзы...

Не успев договорить, он почувствовал, как в горле поднялся сладковатый привкус. После вчерашней порки кровь застоялась в горле.

Он не успел сдержаться и резко кашлянул — сгусток крови выплеснулся на белоснежные туфли, мгновенно окрасив их в ярко-алый цвет.

Управляющий Линь в ужасе громко вскрикнул и, прежде чем знатные гости успели разгневаться, ударил его по лицу:

— Грязная тварь! Посмотри, что ты наделал!

Цюй Чэньчжоу от удара повалился набок, выплюнул еще две порции крови и, едва дыша, беспомощно опустился на пол. Он слышал, как управляющий Линь умолял за него прощения и приказывал ему встать и извиниться.

Дрожащей рукой он потянулся, чтобы стереть кровь с туфель.

— Не надо, — раздался знакомый юношеский голос сверху. — Как тебя зовут?

Он сжал пальцы, снова встал на колени и тихо ответил, не поднимая головы:

— Этот раб... Цюй Чэньчжоу.

Чья-то рука взяла его за локоть, поддерживая, а другая рука подняла его подбородок, заставив встретиться взглядом.

В этой встрече взглядов десятилетия промелькнули в одно мгновение.

Если бы не годы при дворе, научившие его сохранять невозмутимость, Цюй Чэньчжоу, возможно, расплакался бы от нахлынувших чувств.

Это лицо, эта легкая улыбка — все было так знакомо.

Казалось, он снова в академии Цзиньси, где молодой господин Яо с компанией загнал его в угол, повалил на землю и оседлал, как лошадь.

Хотя он и был астрологом, лично назначенным императором, его робкий вид делал его идеальной мишенью для издевательств со стороны избалованных молодых аристократов, которые знали, что он не пожалуется.

Он не понимал, в чем провинился, и мог только съежиться, прижавшись к земле.

И тогда из-за поворота галереи вышел тот самый юноша, прогнал обидчиков и с той же улыбкой спросил: «Астролог Цюй?»

Он поднял глаза, полные слез, и увидел силуэт, залитый светом.

Тогда они оба еще не знали, что эта встреча станет началом великой смуты.

Лю Чунмин тоже разглядывал того, кто стоял перед ним.

Хотя Лю Чунмин мельком видел Цюй Чэньчжоу на улице, когда тот убегал, тогда он не разглядел его как следует. Но сейчас, когда эти странные глаза смотрели на него так близко, у него возникло ощущение, будто его видят насквозь.

Глаза с приподнятыми внешними уголками и глубокой посадкой казались одновременно одурманенными и трезвыми, наполненными чарующей глубиной, от которой сердце замирало.

А разноцветные зрачки, непохожие на обычные, под лучами солнца переливались, словно драгоценные жемчуга, излучая холодное сияние, с оттенком спокойствия, не свойственного этому возрасту.

Эти глаза встретились с его взглядом всего на мгновение, затем опустились вниз, словно редкая драгоценность, которую не принято показывать направо и налево.

Маленький заострённый подбородок лежал у него на ладони, как тёплый кусочек нефрита — он всё ещё был таким ребёнком.

Но идиллию разрушал уродливый шрам, тянувшийся от левой щеки через переносицу до правого глаза. Кроме этого самого заметного, на лице было ещё с десятков перекрещивающихся шрамов разной глубины, изуродовавших его до неузнаваемости.

Лю Чунмин мог представить, как тот, кто наносил удары, хлестал без разбора, специально целясь в лицо.

Из-за пощёчины управляющего Линя тонкие губы были окрашены тёмно-красной кровью, что на бледном личике создавало жутковато-соблазнительный контраст — одновременно прекрасный и хрупкий.

— Эр-гэ, — Бай Шилэй, зажав нос, поторопил его, — может, пойдём? Здесь воняет. Если брат нас не найдёт, он начнёт волноваться.

— Угу, — Лю Чунмин достал из рукава платок, вытер кровь с уголка губ Цюй Чэньчжоу и только потом поднялся.

Глядя на этого человека, покорно стоящего на коленях у его ног, он почему-то чувствовал лёгкий дискомфорт.

Тот взгляд, который бросил на него Цюй Чэньчжоу, был спокойным и уверенным, но сейчас он так униженно пресмыкался — в этом была какая-то дисгармония.

Его взгляд скользнул по глиняной миске на полу, в которой лежали объедки.

— Он это ест?

Управляющий Линь беспокойно поёрзал пальцами в рукавах:

— Господин наследник, только не говорите хозяину... Хозяин велел только спустить и дал немного вина, но не разрешил кормить. Это я тайком принёс...

Лю Чунмин нахмурился:

— «Спустить»? Что это значит?

Управляющий Линь понял, что проговорился, но не посмел солгать наследнику:

— После того как вчера его поймали, его подвесили здесь... И только сейчас спустили, чтобы он мог лечь.

— И раны тоже вчера нанесли?

— Да... — управляющий Линь не осмелился встретиться с его взглядом. — Его выпороли... шестьдесят четыре удара.

Бай Шилэй не удержался от возгласа:

— Этот Ду Цюань — настоящий безумец! Не боится, что заперет насмерть?

Управляющий Линь покорно кивал, не смея вставить и слова.

Лю Чунмин постоял ещё немного, затем достал из кошелька у пояса серебряный слиток и вместе с платком сунул его в руку Цюй Чэньчжоу, после чего развернулся и ушёл.

Только когда дверь снова закрылась, Цюй Чэньчжоу медленно выпрямился, с трудом дополз до своей подстилки и лёг, теребя пальцами серебряный слиток.

Хотя металл был холодным, но, пропитанный знакомым ароматом с платка, он казался ему тёплым. Он поднёс платок к носу, слегка прикусив губу.

Возродившись в этой жизни, он уже не смел мечтать о многом, тем более — приблизиться к Лю Чунмину. Он лишь надеялся тихо умереть и обрести после смерти простой гроб.

Когда Лю Чунмин быстрым шагом шёл к переднему двору, Бай Шилэй всё ещё ворчал:

— Этот Ду Цюань — настоящий зверь! Кто так бьёт? Он ведь, кажется, даже младше меня.

— Ничего удивительного, — спокойно ответил Лю Чунмин. — Всего лишь раб. Раз продал себя, то можно хоть до смерти забить — никто и слова не скажет. Завернут в циновку — и на северное кладбище для бедняков. Таких покойников там полно.

Бай Шилэй поёжился.

В их семье никогда не держали домашних рабов. Даже когда его отец возвращался с победой и приводил пленных для обращения в рабство, он ни за что не оставлял их в усадьбе.

— Но это же...

— Слишком жестоко, да?

— Лю Чунмин задумчиво смотрел вдаль и тихо пробормотал, будто сам себе:

— С одной стороны — попирают добродетель, обращаясь с людьми, как со скотом, с другой — умоляют Небеса о милости. Какая насмешка.

Бай Шилэй не понял его слов, но промолчал, просто следуя за ним.

Не успели они дойти до переднего двора, как навстречу им поспешил Бай Шиянь:

— Где вы были?

Лю Чунмин отослал Бай Шилея поиграть, а сам остался с Бай Шиянем во дворе.

— Я только что с Шилеем ходил посмотреть на того ребёнка.

— Вот почему ты сегодня почтил Ду Цюаня своим присутствием, — Бай Шиянь сразу понял, о ком речь. — Что, хочешь купить его? Даже не думай. Говорят, этот маленький уродец больше не может предсказывать.

— Зачем мне его покупать? Чтобы он мошенничал? Такое убыточное дело не для меня. — сказал Лю Чунмин, не став рассказывать о том, что увидел в сарае. — Без причины. Просто внезапно захотелось взглянуть.

Бай Шиянь знал его слишком хорошо, чтобы поверить, что он просто любит смотреть на диковинки:

— Чунмин, что случилось? Почему ты вдруг так заинтересовался им?

Лю Чунмин знал, что не сможет это скрыть, да и не собирался.

— Шиянь, прошлой ночью... тот сон продолжился, — сказал он, посмотрев на цветущее дерево во дворе. — Тот человек в галерее поднял голову.

<http://bllate.org/book/15643/1398426>